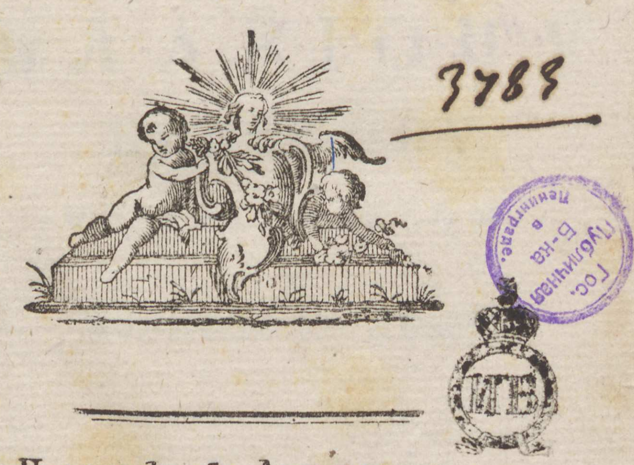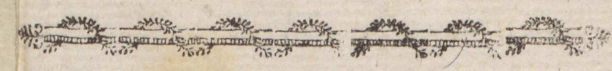

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 106
ПОЛКА 2
№ 79
…ритпъ
разсужденiе
о монашеской
жизни

ГЕНРИХА КОРНЕЛІЯ
АГРИППЫ
РАЗСУЖДЕНІЕ
О
МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Переводъ съ Латинскаго.

Печатано въ Москвѣ въ привилегированной типографіи у Мейера, 1783 года.

ЕГО
ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ИЛАРІОНУ
ЕПИСКОПУ
ПЕРЕЯСЛАВСКОМУ
И
БОРИСПОЛЬСКОМУ.

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ВЛАДЫКО!

Высокомилостивый Архипастырь!

Скоротекущее время всѣхъ вѣковъ и всегдашняя перемѣна во нравахъ, людей живущихъ въ надеждѣ большаго со дня наденъ просвѣщенія, имѣло и всегда поставляетъ единственнымъ предметомъ то, чтобы или опровергать изобрѣтенное уже, и уничтожать испорченное; или изыскивать новые слѣды къ просвѣщенію, и выводить изъ того свои умозаключенія, или возобновлять древностію похищенное, и издавать въ свѣтъ забвенію преданное.

По сему и случается между людьми, что одни издаютъ по своему понятію новыя системы вещей; другіе къ старымъ истинамъ присовокупляютъ

ютъ свои разсужденія; а третіе принаравливаяся ко времени своего вѣка, стараются изслѣдованную умами многихъ справедливость, какимъ бы то ни было образомъ предать и потомству.

Какъ же разсужденіе о монашеской жизни столь славнаго ученостію своею въ свѣтѣ писателя Агриппы есть такое, котораго въ разсужденіи теперишняго нашего состоянія древность не опорочила, средній вѣкъ ничего къ нему не прибавилъ, а новѣйшія наши времена научаясь ежедневными примѣрами гремящихъ своими добродѣтелями, и славяцихся своею жиз-

нію

нїю монаховъ за непреоборимую почитаютъ истинну.

Для того я за излишнее почитая похвалять то, что остроумнѣйшимъ своимъ разсужденїемъ Агриппа обстоятельно изслѣдовалъ и доказалъ, почелъ ко мнѣ только относящимся оное всякаго прїятїя достойное Агриппы разсужденїе о монашеской жизни перевесть на Россїйской языкъ; сїе же особливо для того, чтобы незнающїе Латинскаго языка, видя оное на своемъ природномъ, могли употребить въ свою пользу.

Но здѣсь Ваше Преосвященство меня спросите, по чему я Вамъ

а

а не другому кому осмѣлился поднесть сей переводъ? Поистиннѣ долженъ признаться, что я Вами болѣе прочихъ тронутъ и одолженъ; ибо Ваше Преосвященство кромѣ живо представленныхъ въ семъ разсужденіи монашескихъ добродѣтелей, кромѣ нищеты, говорю, цѣломудрія и послушанія, имѣете по Епископскому своему сану и вящшія, а наипаче Вами оказываемую изъ единственнаго своего человѣколюбія многимъ милость и благодѣяніе; чему очевиднымъ доказательствомъ могу служить я и подъ покровительствомъ Вашимъ находящіеся мои братья.

Сіи

Сіи столь изящнѣйшія въ родѣ человѣческомъ добродѣтели кого не удивятъ и не обяжутъ, а паче столь много Вашимъ Преосвященствомъ облагодѣтельствованнаго, и долгъ имѣющаго изъявить Вамъ свою чувствительнѣйшую признательность. Но чѣмъ же могу я оную доказать и на самомъ дѣлѣ свидѣтельствовать? Какъ не приписаніемъ имени Вашего Преосвященства всѣхъ добродѣтелей и преимуществъ въ семъ славнаго Агриппы разсужденіи находящихся.

Примите Ваше Преосвященство! сіе мое приношеніе въ знакъ той моей чувствительнѣйшей благодарности и

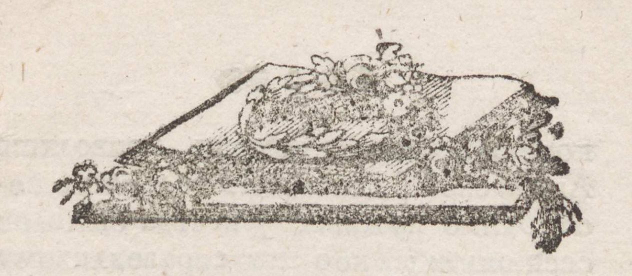
Ва-

Вашихъ Архипастырскихъ добродѣтелей высокопочитанія, съ которыми я вѣчно пребуду.

Высокомилостивый Архипастырь!

ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Нижайшимъ слугою
Л. М.

ГЕНРИКА КОРНЕЛІЯ АГРИППЫ

Разсужденіе о Монашеской жизни.

Мнѣ не безъизвѣстно [почтеннѣйшіе, жизнію, нравами и ученостію прославившіеся отцы] сколь трудно говорить, и торжественно разсуждать предъ вами о божественныхъ вещахъ, особливожъ, что къ сему дѣлу приступать должно съ согласія всѣхъ васъ краснорѣчивѣйшему, въ наукахъ искуснѣйшему и такому человѣку,

которой бы въ помощь приводить Авторовъ [для свидѣтельства необходимо нужныхъ] всегда былъ въ состоянiи; ибо по справедливому нѣкоторыхъ мнѣнiю безъ краснорѣчiя и самыя таинства теряютъ свою важность, а безъ преданiя предковъ догадки собственнаго нашего ума не только бываютъ ложныя, но еще не рѣдко и великую наносятъ опасность. И такъ я чувствуя себя недостаточнымъ къ сему предпрiятiю сказавъ съ Пророкомъ Iеремiемъ: „Отрокъ „есмь, и не вѣмъ глаголати. „Грѣшникъ есмь, и не дерзаю про„рещи законъ Божiй устнама мо„има„. Охотно бы желалъ препоручить сiе званiе другому, который бы преисполненъ будучи Исаiевымъ духомъ, предсталъ къ оному съ сими словами: „Се азъ „есмь, послите мя„; однако, какъ ваше могущество и ваше повелѣнiе возложившее на меня сiю должность, недовѣдомою мнѣ Сераф-

фим-

фимскою силою отверзло мои уста и прогнало мой страхъ, а повиновенїе возвратило мнѣ ту смѣлость, которую слабость силъ моихъ у меня было отняла: то я оными будучи ободренъ съ помощїею Божїею и приложу старанїе, чтобы сїе мое разсужденїе не показалось предпринятымъ мною или совсѣмъ безъ причины, или безъ пользы. Все же сїе я такъ исполнить долженъ, особливо когда вы по своему снисходительству дозволили мнѣ торжественно о семъ разглагольствовать, что прежде, нежели я приступлю къ оному, во первыхъ покажу вамъ о чемъ, и по какой причинѣ я о томъ говорить буду.

Я намѣренъ вамъ теперь предложить „о дѣятельной и умозри„тельной жизни„. Ибо когда монашеская жизнь есть не иное что, какъ безпрестанное покаянїе, и поученїе въ законѣ Господни день и нощь: то я и почелъ за

полезнѣйшее всего разсуждать объ оныхъ; которыя добродѣтели сколько мы хранить обязаны, столько напротивъ того многïе изъ насъ ихъ совсѣмъ не знаютъ. Притомъ и сего я думаю пропускать не должно, что у древнихъ за правило принято было, чтобы при начинанïи каждаго дѣла молиться, особливожъ при отправленïи священныхъ и божественныхъ дѣлъ сïе исполнять повелѣваетъ въ книгѣ своей „ о именахъ Божïихъ„ Дïонисïй Ареопагита. Какъ же мы здѣсь говорить будемъ о таинствахъ священной монашеской жизни, для того сперва приклонивъ колѣна, припадемъ къ Господу, и въ единомыслïи призовемъ Его съ сею молитвою: „ Сниди душе „ святый на насъ вѣрныхъ рабовъ „ твоихъ, вселися въ сердца наши, „ и свѣтомъ любви твоея озари „ я, иже разными глаголы собралъ „ еси языки въ единомыслïи вѣры.

И во первыхъ приступая къ нашему предпрїятїю, т. е. говорить о „ дѣятельной и умозрительной жизни „ , дабы не подумали вы, что я сїе хочу начинать съ человѣческихъ изобрѣтенїй и премудрости сего мїра, и основываться на непостоянныхъ человѣческихъ мнѣнїяхъ: то я съ самаго источника жизни, который есть истинной нашъ животъ и свѣтъ всѣхъ людей, съ самаго, говорю, распятаго Назарянина Iисуса Христа положу начало моему разсужденїю. Ибо когда мы вѣдаемъ, что между ученїями смертныхъ нѣтъ ни одного, которое бы не подвержено было погрѣшности, такъ какъ ученїе Христово есть всесовершенно, незыблемо, справедливо и не ложно; того ради пусть будутъ предложенїемъ и моего разсужденїя сїи Евангельскїя слова: „ Вниде Iисусъ въ весь нѣкую: жена же „ нѣкая именемъ Марѳа прїятъ

,, его въ домъ свой, и сестра ей
,, бѣ нарицаемая Марія, яже сѣд-
,, ши при ногу Іисусову, слышаше
,, слово его. Мареа же молвяше
,, о мнозѣ службѣ, ставши же
,, рече: Господи! небрежеши ли,
,, яко сестра моя едину мя остави
,, служити; рцы убо ей, да ми
,, поможетъ: отвѣщавъ же Іисусъ
,, рече ей, Мареo! Мареo! пече-
,, шися и молвиши о мнозѣ; едино
,, же есть на потребу, Марія же
,, благую часть избра, яже не
,, отъимется отъ нея,,. Въ семъ
святомъ Евангельскомъ изреченіи предлагается намъ четвероякая жизнь людей; что тѣмъ удобнѣе будетъ доказано, чѣмъ первѣе всего я вамъ представлю, что сія весь знаменуетъ міръ, а домъ значитъ церковь. И потому жизнь, которую люди провождаютъ въ веси, но внѣ дому, по справедливости назвать можно мірскою, жизнію невѣрныхъ, и такою, которая чрезъ покореніе плотскимъ, зем-

земнымъ и мірскимъ страстямъ готовитъ для себя погибель, не пріемлетъ и не признаетъ Христа по слову Іоанна Евангелиста: ,, Въ ,, мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть, ,, и міръ его не позна, во своя пріиде, и свои его не пріяша ,,. (*) И такъ кто желаетъ жить со Христомъ, тотъ пусть не обитаетъ въ веси, но да идетъ по слѣдамъ Христовымъ въ домъ Мароы. Ибо живущій въ веси не живетъ со Христомъ; но о сей жизни больше говорить не дозволяетъ намъ теперишнее наше предпріятіе. И для того оставя весь, приступимъ къ самому дому. Домъ, какъ я выше сего сказалъ, означаетъ церковь, въ которой обитаютъ только вѣрующіе во Іисуса Христа, т. е. Мароа и Марія показывающія намъ опять двоякую жизнь. Мароа представляетъ намъ дѣятельную жизнь, т. е. жизнь покаянія и очищенія, которая очищая чрезъ покаяніе душу свою,

(*) Іоан. гл. 1. ст. 10.

дѣлаетъ изъ нея достойную Іисуса Христа гостиницу, и прежде всѣхъ пріемлетъ Іисуса Христа. Марія же представляетъ умозрительную жизнь, жизнь ученія, которая очистивъ свою душу чрезъ слышаніе и пріятіе слова Божія, преселяется во свѣтъ божественныя премудрости. Сію-то жизнь самъ Христосъ воспріялъ, ей училъ, ее озарилъ своимъ свѣтомъ и оставилъ навсегда при себѣ. Того ради разсмотримъ мы теперь природу дѣятельной и умозрительной жизни изъ словъ того же Евангелія. Дѣятельная жизнь пріемлетъ Христа, а умозрительную онъ самъ пріялъ. Дѣятельная должна еще удовлетворять за грѣхи, поелику мы всѣ должники покаянія и грѣшники безпрестанно молящіеся: „ остави намъ долги наша „. Напротивъ того умозрительная жизнь, есть жизнь свободы, поелику не только свободно избираетъ всякое благо, и не страж-

детъ подъ игомъ покаянія о своихъ содѣланныхъ беззаконіяхъ, но еще по любви къ Творцу своему всечасно помышляетъ о будущемъ наилучшемъ своемъ поведеніи, говоря изъ свободной любви: „я из„брала истинную жизнь„. Ибо гдѣ находится любовь божественнаго духа, тамъ и свобода въ избраніи заповѣдей Божіихъ, нѣтъ тамъ ни страха наказаній, ни самаго наказанія; но все производимо бываетъ по волѣ. По сему дѣятельная жизнь, есть жизнь рабская, пребывающая во всегдашнемъ исполненіи заповѣдей, принужденная къ умерщвленію своей плоти, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: „наказующая тѣло свое и порабо„щающая„. А умозрительная жизнь, есть жизнь сыновняя, по словамъ того же Апостола: „не „пріясте духа работы паки въ „боязнь: но пріясте духа сыно„положенія„. Умозрительная жизнь всегда пребываетъ въ тиши-

нѣ, наслаждается спокойствіемъ, сидитъ у ногъ Господнихъ вмѣстѣ съ прочими Апостолами и учениками, слушаетъ слово Божіе, и подкрѣпляема бываетъ его покровительствомъ. Но дѣятельная жизнь есть непостоянна, возмутительна и колеблющаяся, потому, что она не имѣетъ ни отъ кого никакой помощи. Дѣятельная жизнь опять раздѣляется, и есть обуреваема либо мірскими суетами, либо страстьми и похотѣніями; напротивъ того умозрительная жизнь, по распятіи плоти, по укрощеніи страстей, и по побѣжденіи искушеній и діявола покоится въ душевной тишинѣ, непоколебима и одна въ единственной любви ко Іисусу Христу; притомъ же она есть такъ нужна, что безъ умозрительной дѣятельная жизнь вовся не можетъ спасти. Ибо ежели кающійся не разсуждаетъ о изящности самой Христіанской истинны, когда восхища-

щается ея любовїю; или ежели она не съ тѣмъ намѣренїемъ ненавидитъ беззаконїй, чтобы за оныя принесть покаянїе: то всуе кается, и никогда въ томъ не успѣетъ. Я говорю здѣсь о Христїанской истиннѣ, которая происходитъ отъ вѣрованїя во Іисуса Христа, а не о истиннѣ человѣческой, которая какая бы она ни была, всегда подвержена сумнѣнїю, кромѣ того, что умозрительная жизнь есть самая лучшая и некрадомая, поелику и познанїе Бога и любовь съ нею продолжаться будутъ во вѣки; когда напротивъ того дѣятельная жизнь занимается меньшимъ, маловременнѣйшимъ и оканчивающимся съ самою смертїю благомъ, и послѣ оной покаянїя имѣть не можетъ.

И такъ П. О. вы теперь слышали отъ меня подъ видомъ нѣкотораго противорѣчїя Евангельское сравненїе жизни дѣятельной и умозрительной, которыя хотя по

вза-

взаимному между собою несходству и противными быть кажутся: однако сходствуютъ и въ одну жизнь соединяются во Іисусѣ Христѣ, на подобїе двухъ оныхъ Моисеевыхъ Херувимовъ, которые, хотя одинъ на другаго съ противной стороны смотрятъ, однако и съ отвращенными лицами согласны въ умилостивленїи Бога. И такъ отсюда происходитъ четвертой родъ жизни, (понеже мы назвали первую жизнь грѣшною, а другїя двѣ дѣятельною и умозрительною,) жизнь, говорю, совершенная, жизнь примѣрная, жизнь Іисуса Христа, заключающая въ себѣ обѣ вышепомянутыя, жизнь въ смерти, смерть въ жизни. дѣйствїе въ умозрѣнїи, умозрѣнїе въ дѣйствїи; трудящаяся въ покоѣ, безпокоющаяся въ спокойствїи, спокойная въ безпокойствїи, многоразличная и одна, касающаяся до одного и многаго, до большаго и меньшаго блага, изчезающая въ раз-

разсужденіи труда, но пребывающая и вѣчная въ разсужденіи умозрѣнія; и столь безопасная, что какой бы она ни коснулась тьмы, никакъ не помрачается, но всегда пребываетъ непорочною. По сему она не оскверняется между грѣшными: но омываетъ свои грѣхи между прокаженными, и никакъ язвою не заражается; очищаетъ проказу, и никакою силою не преломляется; наступаетъ на змѣи и скорпіи и на всю силу вражїю, и ничто ей вредить не можетъ; такая жизнь прилична особливо намъ монахамъ умершимъ міру, святою вѣрою посвятившимъ себя Іисусу Христу, и торжественно обѣщавшимся ему строжайше послѣдовать. Монахамъ, говорю, прилично всегдашнимъ покаяніемъ, чтеніемъ, размышленіемъ, поученіемъ и разсматриваніемъ дѣлъ Божіихъ, чистымъ сердцемъ, горячайшею любовію и точнѣйшимъ подражаніемъ съ нимъ соединившись

шись и совокупившись, удѣлять нѣсколько времени отъ размышленія о Божіемъ существѣ, чтобы весть жизнь совершенно примѣрную, производящую всегдашній плодъ вѣры и истинны входящихъ во тьмѣ невѣдѣнія, и служить имъ примѣромъ въ подражаніи Іисусу Христу. Вотъ истинная монашеская жизнь, по примѣру которой издревле въ ветхомъ завѣтѣ и до временъ Давида, по смерти жреца Илія, Самуилъ Пророкъ завелъ общество совсѣмъ отличное состояніемъ отъ прочаго народа, какъ о томъ видѣть можно въ царствахъ и у Іосифа первѣйшаго изъ историковъ и древностей писателя. Подобно сему учинилъ и Елисей Пророкъ послѣ взятія на небо Иліи: то есть, согласивъ съ собою многихъ сыновей Пророческихъ, и сдѣлавъ имъ на подобіе оставленной ему отъ Иліи милоти, священную одежду, на горѣ Кармильской, велъ монашескую жизнь съ велико

кою

кою святостію; по немЪ многіе святые Пророки ее провождали до временЪ Іоанна Крестителя, который такЪ же присоединилЪ кЪ себѣ учениковЪ своихЪ симЪ же священнымЪ союзомЪ. Хотя что впрочемЪ сія ихЪ вѣра не была еще истинная, ниже совершенная, но только истинной и совершенной вѣры тѣнь, и нѣкоторое спасительное прооброзованіе вЪ разсужденіи имѣвшаго тогда прійти Іисуса Христа, которой самЪ будучи Господь БогЪ, начальникЪ истинной вѣры, призвалЪ по монашескому обряду вЪ Апостолы и ученики непорочнѣйшихЪ, бѣднѣйшихЪ и послушливѣйшихЪ; и они сами имѣя у себя все общимЪ, по сошествіи Святаго Духа учредили многія монашескія обители, что можно видѣть вЪ дѣяніяхЪ АпостольскихЪ; а вЪ церковной Исторіи упоминается о Маркѣ Евангелистѣ, что и онЪ благоговѣйнѣйшихЪ своихЪ учениковЪ вЪ Алек-

сан-

санріи находившихся соединилъ между собою симъ же монашескимъ союзомъ. Съ начала произошла истинная жизнь обоего пола монаховъ, затворниковъ, пустынниковъ, отшельцовъ и другихъ премногихъ благочестивыхъ людей, которые не будучи подвластны никакимъ особеннымъ узаконеніямъ, соединясь между собою какими нибудь обѣтами, по своей волѣ удалились отъ сего міра, и пребыли въ единомысліи не для чего инаго, какъ только для единодушнаго послѣдованія Іисусу Христу. Потомъ, когда спустя нѣсколько времени невинная оная простота и благоговѣйное подражаніе Іисусу Христу перемѣнилось, и монахи начали уже поступать по обыкновенію свѣтскихъ: то опять нѣкоторые изъ нихъ бл. отцы, какъ то Венедиктъ, Бернардъ, Августинъ, Василій Великій и многіе другіе, почитавшіе за нужное возстановленіе истинной

мо-

монашеской жизни, оную поправили, и другія оставили премногія спасительныя узаконенія, которыя касались до нравовъ и обращенія, жизни и одѣянія, пищи и поста, отдохновенія и труда, молитвы и чтенія, молчаливости и рѣчи, общежительства и уединенія, и тому подобныхъ, какъ кому за благо разсудилось по мѣрѣ ихъ просвѣщенія съ тѣмъ единственно, дабы возстановить какъ дѣятельную, такъ и умозрительную жизнь. Наконецъ были изъ св. отцевъ и такіе, которые желая обязать своихъ монаховъ къ наблюденію сихъ своихъ установленій Папскою присягою и торжественною клятвою, приводили въ доказательство узаконенія; отъ чего произошло въ Римской церквѣ двадцать четыре секты монаховъ, которые хотя обыкновеніями, обрядами, учрежденіями и установленіями различествовали между собою: однако, что касается до

 древ-

древняго онаго Апостольскаго заведенія, всѣ были единодушно согласны, а особливо въ трехъ вещахъ: „нищетѣ, цѣломудріи и „послушаніи„, безъ которыхъ никто не можетъ быть истиннымъ монахомъ; поелику они такъ тѣсно и естественно съ вѣрою сопряжены, что ни сами вѣроначальники, или (какъ говорятъ) ни самые Патріархи не могутъ ихъ отъ оныхъ отдалить безъ нарушенія и уничтоженія самаго существа монашества. И такъ кто хочетъ быть монахомъ, тому необходимо должно клясться и присягать во всегдашнемъ оныхъ добродѣтелей наблюденіи; понеже на сихъ трехъ началахъ основывается предметъ, существенность и конецъ всей монашеской жизни; и оныя добродѣтели такъ заключаютъ въ себѣ дѣятельную, покаянную, умозрительную, самую совершенную и примѣрную жизни, и ихъ сохраняютъ, что

что безъ сихъ трехъ принадлежностей, ,, безъ нищеты ,, , говорю, ,, цѣломудрія и послушанія ,, ни къ которой изъ вышеписанныхъ приступать не можно; ибо чрезъ нищету монахъ отъ всего удаляется, для всѣхъ умираетъ, отъ всего отрицается, все презираетъ, и самаго себя, истинно кается и достигаетъ истиннаго грѣховъ попранія, надѣясь на одно токмо милосердіе и благодать Христову, получаетъ отпущеніе грѣховъ, и вѣнчается отъ оправдающаго правосудія за его терпѣніе и надежду на милосердіе Господне несумнительнымъ упованіемъ на Іисуса Христа, котораго безъ нищеты сыскать никто не можетъ, по оному Еклесіаста слову: ,, многихъ погуби злато и сребро, и ,, любящій оныя не спасется; ,, горе тѣмъ, иже гонятся за ,, онымъ.

Монахъ также долженъ сохранять цѣломудріе, которое

сколько есть неудобонаблюдаемо, столько напротивъ того очень для него нужно; потому что безъ него всѣ дѣла несовершенны, и какъ Іеронимъ пишетъ 33 вопр. 5 гл. оно сохраняетъ любовь, и заставляетъ человѣка презирать свое поврежденное естество; а въ покаяніи такъ терпѣливо и непоколебимо, что лучше снесетъ всѣ бѣдствія, нежели согласится на какое нибудь зло, какъ то признаетъ Августинъ 32 вопр. 5 гл.

Монахъ наконецъ долженъ быть послушливымъ, ибо послушаніе есть всему начало, и безъ него никакое добро быть не можетъ; оно заслуживаетъ воздаяніе за вѣру, и безъ онаго всѣ правовѣрные невѣрными почитаются, какъ упоминаетъ Григорій 8 вопр. ибо нищета сопряжена съ надеждою, цѣломудріе съ любовію, а послушаніе съ вѣрою. Слѣдовательно блаженна временная нищета въ надеждѣ вѣчности, поелику ея бо-

богатство есть царство небесное; а послушанїе блаженно по вѣрѣ во Іисуса Христа, поелику всѣ его дѣла суть добрыя. Сїе сказано только о дѣятельной жизни; что же сїи три добродѣтели нужны также и въ умозрительной жизни, сїе докажу я въ слѣдующемъ. И вопервыхъ, когда нищета есть побѣдительница всего мїра, когда она духъ нашъ предохраняетъ отъ великаго множества различныхъ похотѣнїй и страстей, освобождаетъ наконецъ отъ всякаго житейскаго попеченїя, и дѣлаетъ насъ ни къ чему непривязанными, ничего не ищущими, ничего нежелающими, ничего нечающими, кромѣ опредѣленнаго провидѣнїемъ Божїимъ: то нѣтъ сумнѣнїя, что она великую силу и важность имѣетъ въ умозрительствѣ; поелику душа наша духовною нищетою отъ всего противнаго и вреднаго очищенная, участницею бываетъ божественныхъ вдохновенїй, по-

лучаетъ Божїю премудрость и духъ пророчества. Что же касается до цѣломудрїя, оно умертвивши плоть и преодолѣвши слабость человѣческаго естества, благоговѣйно почитаетъ Бога, и возлюбивши превосходнѣйшею тѣла своего частїю, то есть, разумною душею, высочайшее существо, дѣлаетъ ее храмомъ всегдашняго Божїя присутствїя, и другихъ духовъ въ ней всегда во всякомъ благополучїи и премудрости участвующихъ. Послушанїе же напротивъ того, какъ оно со всѣмъ своимъ почитанїемъ и преданностїю много способствуетъ разсужденїю о Богѣ заставивъ душу нашу болѣе вѣрить, нежели полагаться на чувства, прогоняетъ дїявола и открываетъ намъ все то, чего мы прежде не понимали.

И такъ желающїе достигнуть монашескаго совершенства въ дѣятельной и умозрительной жизни, оградившись твердою вѣрою, несом-

сомнѣнною надеждою и горячайшею любовїю должны быть послушными, цѣломудренными, любить нищету, и такъ побѣдить дїявола, мїръ и плоть, чтобы всегда исполнять монашескїе уставы, презирать всѣ мїрскїя суеты, и ни въ какїя плотскїя страсти и искушенїя не вдаваться. Ибо сїи однѣ только добродѣтели могутъ сдѣлать истиннымъ монахомъ; слѣдственно оныя всякому монаху наблюдать непремѣнно должно. Ежели же кто изъ монаховъ ихъ не исполняетъ, тотъ пусть знаетъ, что онъ погибнетъ, какъ измѣнившїй Христу и церкви, какъ преступившїй монашескїй обѣтъ, какъ несоотвѣтствующїй своему имени и одѣянїю, которое онъ самъ на себя принялъ; и пусть вѣдаетъ, что онъ не только не можетъ называться монахомъ, но еще вѣчной подлежитъ казни и есть рабъ матерїи.

Вотъ почт. от. что я могъ кратчайшимъ образомъ вамъ представить изъ Евангельской истинны о дѣятельной и умозрительной жизни. Сверхъ того также я упомянулъ, какимъ образомъ изъ соединенія обоихъ сихъ родовъ жизни произошла наша монашеская, въ которой будучи многіе святые отцы, многіе оставили намъ уставы, отъ части для уединенія, отъ частижъ для возстановленія оныя, нужные, спасительные и такіе, которые относятся къ тремъ существеннымъ правиламъ монашеской жизни, чрезъ которыя каждая и дѣятельная и умозрительная жизнь, поправъ плоть, міръ и діявола, взаимно между собою соединяются въ нѣкоторую совершенную жизнь, „монашескою„ называемую; однако не думайте, чтобы я могъ вамъ обьяснить всѣ ихъ преданія и ученія, поелику сіе мое разсужденіе не къ тому клони-

нилось, чтобы мнѣ васъ, которые сїе гораздо лучше и обстоятельнѣе меня знаете, и на самомъ дѣлѣ безъ упущенїя исполняете, для моего единственно тщеславїя наставлять; но я хотѣлъ только вкратцѣ и по поверхности напомянуть, чтобы вы изъ сего въ не многихъ словахъ состоящаго разсужденїя по своему благоразумїю могли выводить другїя важнѣйшїя слѣдствїя. И такъ наконецъ, ежели все сїе, что я ни говорилъ, справедливо и всѣмъ нравится: то я сїю похвалу не мнѣ, но вамъ приписываю; ибо вы мнѣ о семъ предметѣ разсуждать, и притомъ справедливо говорить дозволили; слѣдственно мнѣ и вамъ должно принесть благодаренїе Всемогущему Богу, какъ Источнику всѣхъ благъ. Или ежели я по слабости человѣческой несовершенно доказалъ, и не краснорѣчиво истолковалъ вышесказанное, то и въ семъ слу-

случаѣ вы равномѣрно со мною должны молишь всесильнаго Бога, чтобъ Онъ для изъясненія столь высокихъ вещей, требующихъ высочайшаго понятія, даровалъ намъ мною доказанную „жизнь, „познаніе и краснорѣчіе.

